

наше ВРЕМЯ

№ 30
(7241)

Жизнь трудна. Но выжить надо. И мы выживем, если каждый о себе побеспокоится сам.

Сложная жизнь наступила. Все смешалось. Невозможно понять, в лучшую сторону пошла жизнь или наоборот. Большинство наверняка скажет: в худшую, уже потому как ничего не стало в магазинах, а что есть — дорого. Основной части населения просто не по карману все, что предлагается для продаж.

Нужа все подевалось? Спросите у любой доярки, тепличницы, механизатора или работницы легкой промышленности: меньше ли стали производить продукции? Нет, столько же, как раньше. Даже некоторые больше. Так в чем же дело? Вроде бы все должно было, и в то же время нет ничего. При этом цены сумасшедшие. Что же нужно делать, чтобы все пришло в нормальное состояние?

Вначале давайте проследим за своей родословной: кто ваши предки — дедушки, бабушки, прабабушки, прадедушки. Почти 90 процентов всех жителей нашей Родины — выходцы из крестьян, из мирной деревни. Деревня вырастила слишком большого дитя для себя — город, который, как и некоторые дети не заботился о своих престарелых родителях, так же не заботился о деревне. То есть то, что дало жизнь, что дало ежедневную энергию человеку — продукты питания, обесценилось. В пятьдесят, шестьдесят годов, когда в деревне был 71 процент жителей, а в городе — 29, продукты питания были очень живыми и все дешевое. В деревне витрины магазинов: хлеб, молоко, яйца, фрукты, овощи — все это было. А теперь...

Так и получалось. Прогноз сбывался. В те десятилетия «облегчили» до предела труд крестьянина, сравняли город с деревней, то есть заставили сократиться популяцию села до предела, урезали опорода. В породах и пометках владели запретами держать скот. И наоборот, жители Ли, Анжарки не припомнят тех, у кого в то время не было скота, опорода. Все чем-то занимались, копошились, что-то выращивали, опорода сидели большие. Иначе не была бы зарплата — 300—400 рублей в месяц, а новышки деньгами — 30—70 рублей. Только у шахтеров была она приличней. Иначе не было бы на полках магазинов. Но, тем не менее, наряжаться было не во что, потому как не за что купить. Популярной формой одежды были вапник, плюшевая, жакетка,

сил не хватало ни вспахать, ни посеять. Что животные... Мне до десятилетнего возраста запомнился хлеб, в котором 70 процентов было картошки и только 30 — муки. Да дай Бог хорошая мука, зачастую же — ржаная да еще прогоркшая. Деньги появлялись только после того, как что-то удавалось скопить, и увезти на базар. Почему я говорю «что-то», да потому как основную часть выращенного на подворье нужно было сдать государству. Жирокое я впервые попробовал в шестилетнем возрасте — отец с базара привез. Поправилось охотно. Но до 1959 года, пока не поступил в техникум, его больше не видел. В это десятилетие произошло слияние малых сел. Кто не выдерживал тяжелой деревенской жизни, выселенный распродавался с землей. Уже в 1961 году горожане стали 49 процентов, а сельчане — 51 процент, то есть на 20 процент сократилось население села. И сразу же результат: в 1963 году — хлеб по карточкам с добавками в него кукурузы, сои. А пшеницу спалили возить из-за океана. У деревни судовой маче пришло сплыв в Новороссийске: солдатам-пограничникам. Помню, находились тогда в плену так называемые диверсионные листовки: «Советский Союз все прощает и сам себя спасет».

В газетах постоянно твердили, что завтрашнее поколение, а также будет виднеться, химия накроет и наложит человека. К 80 году, крайний срок, готовились перейти к коммунизму, к всеобщему изобилию. Рассчитывали, что в обмен на сырье — мех, уголь, газ и т. п. — можно будет всех в стране одеть, обути и накормить. Много стали возить из-за границы хлеба, дружок продуктов и товаров. В результате, все, что производилось у нас, лежало на полках, списывалось, пошлому как качеству не отличалось. Признаться стало только заезженное, но не свое. То есть страна работала, чтобы... нарабатывать, а не производить что-то нужное для человека. Совсем про деревню забыли: все, что нужно, привезем из-за границы. И везли. Да еще опорода на дождик на химии и биокомбинаты жили. Прогноз сбывался, что не надо скоро будет пахать и сеять: биохимия накормит и оденет. Помню, первые нейлоновые рубашки, блузки, плащи... Все думали: вот она, мечта, сбывается...

На уже в 1971 году в деревне осталось всего 29 процентов населения, а в городе — 71. За двадцать лет сократилась деревня на

«москвичка». И как были рады им. Вот здесь-то и наступил тяжелый период, нужно было или повышать цены, или лучше работать. Но ни того, ни другого не стали делать. Стали осваивать целинные земли, тем самым загубили основную часть Нечерноземья и колхозы, совхозы. Потому что средств в государстве их не было. Приходилось все отбирать у живущей деревни и осваивать целину. И чтобы поддержать жизненный уровень граждан СССР, нужно было срочно искать выход. Такой выход был найден. Помните, стали строить газо- и нефтепроводы. Мы услышали о чудесных месторождениях газа и нефти, угля и других запасах земли нашей.

В газетах постоянно твердили, что завтрашнее поколение, а также будет виднеться, химия накроет и наложит человека. К 80 году, крайний срок, готовились перейти к коммунизму, к всеобщему изобилию. Рассчитывали, что в обмен на сырье — мех, уголь, газ и т. п. — можно будет всех в стране одеть, обути и накормить. Много стали возить из-за границы хлеба, дружок продуктов и товаров. В результате, все, что производилось у нас, лежало на полках, списывалось, пошлому как качеству не отличалось. Признаться стало только заезженное, но не свое. То есть страна работала, чтобы... нарабатывать, а не производить что-то нужное для человека. Совсем про деревню забыли: все, что нужно, привезем из-за границы. И везли. Да еще опорода на дождик на химии и биокомбинаты жили. Прогноз сбывался, что не надо скоро будет пахать и сеять: биохимия накормит и оденет. Помню, первые нейлоновые рубашки, блузки, плащи... Все думали: вот она, мечта, сбывается...

На уже в 1971 году в деревне осталось всего 29 процентов населения, а в городе — 71. За двадцать лет сократилась деревня на

(Продолжение на 2 стр.)

С днём рождения!

Поздравляем с днём рождения АБУШАХМА-НОВЫХ Михаила Григорьевича и Рансу Федоровну! Желаем здоровья, счастья, благополучия, долгих лет жизни!

РОДИТЕЛИ, ДЕТИ, СЕСТРЫ, ЗЯТЬЯ.

Поздравляем с юбилеем нашу дорогую, любимую жену, маму и бабушку БЕЛОВУ Людмилу Алексеевну! Желаем крепкого здоровья, счастья, долгих лет жизни.

Ты рядом, и все прекрасно;
И дождь, и холодный ветер.
Спасибо тебе, наша яснота,
За то, что ты есть на свете.

МУЖ, ДЕТИ, ВНУК.

НОВОСТИ КУЛЬТУРЫ

Лучшие слова — женщинам

«Милая моя, милая —
Милому вымолить мало.
Какой незаметной силою
Ты меня приковаешь!»

Эти замечательные слова нашего поэта-земляка В. Д. Федорова без преувеличения можно поставить эпиграфом к серии вечеров, посвященных женщинам — хранительницам семейного очага, устоев общества, одаривающих окружающих своим интеллектом.

Прекрасные вечера, КВН, шоу, «Голубые огоньки» проводятся в ДК и в клубах сел: в Марьевке, Ишиме, Судженке, Вознесенке, Ново-Николаевке, Медведкино, Мальцево, в Яйском РДК. И везде произносились добрые пожелания в адрес наших прекрасных женщин.

М. МАРТЫНЕНКО,
методист РДК.

АЛЛО, «ПРЯМАЯ ЛИНИЯ»!

2-11-44,
2-22-85

Уважаемые жители района!

У вас накопилось множество жизненно важных вопросов, на которые вам хотелось бы получить четкие, исчерпывающие ответы от руководства нашего района. Вы это можете сделать во вторник, 17 марта 1992 года. В этот день в помещении редакции администрации района с 15 до 17 часов проводит «Прямую линию».

На ваши вопросы будут отвечать по телефону 2-11-44 глава администрации района Михаил Петрович Дмитриенко, первый заместитель главы администрации Александр Григорьевич Коршунов, заместитель главы администрации по экономике и торговле Нина Борисовна Аникина, заместитель главы администрации по управлению делами Галина Ивановна Смышляева.

По телефону 2-22-35 — ведущая отдела социальной защиты населения Надежда Алексеевна Пермякова.

Итак, ждем ваших звонков!

Одной неприятностью меньше

Кто не знает, что в последние годы магазины — это больное место. Особенно для нас, женщин. Очереди, дороговизна и отсутствие времени у работающей женщины — все это делает посещение магазинов неприятным занятием. Конечно, мы все стараемся как-то помочь друг другу в этих хлопотах.

Вот и на этот раз собрались деньги со всех и отправились в обеденный перерыв в магазин № 8 купить масла. А вернувшись, обнаружили, что переплатили сто пятьдесят рублей. Деньги были мелкими — трехрублевыми купюрами, к тому же, очередь, вот и ошиблись. Расстроились все, но все же решили об-

ратиться снова в магазин, хотя большинство было уверено, что денег нам не вернут.

Однако мы снова ошиблись. На этот раз — в своих предположениях. Продавец Ирина Александровна Попова без всяких возражений вернула деньги. Все поздравляли.

Т. НИКОЛАЕВА.

СНОВА О ЦЕНАХ

Экономическая реформа в стране продолжается, не смотря на то, что быстрого роста благосостояния народа путем освобождения цен не произошло. Пустые прилавки, огромные очереди и социальное беспорядки по-прежнему волнуют каждого из нас.

По вопросам ценообразования принимаются новые распоряжения, постановления и законы.

С последними из них мы хотим познакомить жителей нашего района. Во-первых, цены на сахар стали свободными (согласно распоряжению администрации области от 19. 02. 92 года № 169-р). Это означает, что по фиксированной цене 7 руб. 70 коп. мы сахара больше не купим. В настоящее время для области закуплен сахар в Ки-

тае по цене 30 рублей за килограмм, но его продавать никто не будет. Будет значительный рост цен. Также существуют и цены на торговлю хлебом. Во-вторых, цены на хлеб также свободные (распоряжение администрации области от 28 февраля 1992 года № 208-р). По свободным ценам разрешено реализовать новые виды хлеба из смешанных сортов муки (с обязательным включением туда муки высшего сорта). Хлеб из одного сорта муки реализуется по прежним ценам. Яйскими хлебокомбинатами вырабатывается теперь хлеб «Особый» (750 грамм — 4 руб. 21 коп.).

В-третьих, во исполнение распоряжения администрации области № 435-р от 29. 12. 91 г. «О либерализации цен» администрации Яй-

ского района утверждены предельные тарифы на коммунальные услуги для населения за пользование водой, канализацией и отоплением (для безразрядной ба-

ни). Тариф за пользование водопроводом ПОЖКХ — 1 — 15 (с НДС) с 1 человека ежемесячно, канализацией УНП — 15.

Тариф за пользование канализацией ПОЖКХ — 0,95 (с НДС) с 1 человека ежемесячно, канализацией УНП — 1612/37 — 0,95.

Стоимость помывки в бане — 2,00.

Тариф на тепловую энергию по сложившейся себестоимости соответствует не одинаков по предприятиям, подающим тепло своим потребителям.

(Продолжение на 2 стр.)

ЖИЗНЬ ТРУДНА. НО ВЫЖИТЬ НАДО. И МЫ ВЫЖИВЕМ, ЕСЛИ КАЖДЫЙ О СЕБЕ ПОБЕСПОКОИТСЯ САМ.

(Продолжение.
Начало на 1 стр.)

40 процентов. А взамен ничего не было сделано, не помогли ни химизация, ни интеграция, ни мелиорация и т. д. Жизнь требовала немедленного улучшения благосостояния трудящихся. Пытались найти новые месторождения полезных ископаемых, увеличить добычу, построить БАМ... Для этого брались у иностранных государств огромные кредиты под будущее сырье. И вот здесь наступил второй критический момент в экономике: страна стала не успевать расплачиваться с долгами, да плюс к тому цены на мировом рынке стали резко падать. Приведу образно-произвольное сравнение: если в начале торговли за одну тонну нефти, допустим, давали 10 тонн сахара, то в данный период за десять тонн нефти — одну тонну сахара. Мы с вами тогда об этом не задумывались. Мы знали: все будет хорошо. И вдруг это «хорошо» кончилось. Наступила «перестройка». Почему она возникла? Да потому, что уже много лет жили в долг у иностранных государств и своего будущего поколения, не думая о внуках и правнуках своих.

Все отравило вокруг. Не растут травы, не стало птицы, не водится рыба. Возникает вопрос: куда же все это делось на земле, в воздухе и воде, а не то, что в магазинах? А все это оттого, что вся деятельность человека проводилась против самого человека. Работали над тем, чтобы больше производилось того, что убивает и в космос летает, все поставлено было на оборону. Почему так поступало правительство? Потому, что слишком страшной была последняя война. Многие и сейчас проклинают М. С. Горбачева за перестройку, мол, загубил Союз.

Попробуем здраво посмотреть на жизнь. Что происходит с должниками:

им отказывают давать чего-то и требуют вернуть долги. А как их отдать? Нужно воевать или что-то продавать. Уверен, что никто из нас не хочет войны, не хочет и продавать части своего государства. Поэтому и не оставалось иного, лучшего пути, как перестройка всей существующей системы. Экономика всегда регулировалась двумя способами — войной и последующей разрухой. А если без войны, то затягиванием своих ремешков и налаживанием своего хозяйства. Оказывается, и закономерность такая существует — подъем и спад жизни, и такие колебания происходят в любой стране через десять-двадцать лет. Поэтому там, где жили не таясь, придерживаясь такой закономерности, приспособились к этому спокойно к этому относятся, понимая, что идут перестроечные процессы, восстанавливать которые нужно как должное. Думать, как прожить нормально в этот период, как обеспечить себя всем необходимым. Главное, чтобы не запрещали держать скот, садить картошку, торговать, заниматься предпринимательством, не запрещали работать на двух работах, если на основной почти делать нечего, а отсиживать надо. Вот и наше государство впервые изменило отношение к своим гражданам. Оно не имеет возможности побеспокоиться о каждом, но может только создать условия, чтобы каждый побеспокоился о себе. То есть, как говорят, если есть голова на плечах, веди свое дело или вступи в кооперацию. Если не можешь — нанимайся на работу. Ну, а кто не хочет ни того, ни другого, пусть живет, как хочет. Поэтому и предоставлено право каждому гражданину России жить и работать так, как он желает, лишь бы это не шло во вред государству. По этому принципу живет в основном весь мир. Мы по-

пробовали, отступили в сторону, много пережили. Трудно отступать. Но если дальше так дело вести, значит, идти в безысходность. И ругать или хвалить наших вождей не надо. Каждый из них на своем историческом этапе делал, казалось бы, правильно. Люди верили, терпели, работали. Но бесконечно это продолжаться не могло. Каждый видел, сколько ни работай, кроме горба, ничего не заработаешь. Люди и стали приспосабливаться — воровать на работе, потому как честно не проживешь. Появились пословицы типа: «кеш — потей, работой — мерзны, на ходу маленько сли», или «работа — не волк, в лес не убежишь», «от работы кони дохнут».

Все это порождало иждивенческое отношение к делу, безразличие. И уже никакая «палка», никакие награды не могли заставить человека работать так, как надо. У многих возникло антагонистическое отношение ко всякому виду награды. Часто слышалось, мол, не нужна эта грамота или медаль, лучше бы сотню дали.

Созрели наши люди и, как говорится, перестали клевать на голые призывы. Начали одаривать их ценными подарками, вносить коррективы в условия социалистического соревнования. Стали создавать бригады коммунистического труда, арендные отношения. Пропагандировалось движение за экономию и бережливость, разгорелась противоналгодная кампания. Но все это не улучшало дела, а наоборот, раздражало людей. Последний рычок был за рост заработной платы. Но так как на сберкишках и в «нуляках» у людей скопилось столько денег, что можно было скупить два наших государства, а товаров в магазинах — мизер, вот и началась инфляция и скупка всего, что только можно было купить. Поползли вверх цены произвольно и

искусственно. И в результате на государственных товарах и ценах многие предприниматели довольно легко «заработали» огромный капитал. Возник дефицит почти всех товаров. В магазине товара нет, на рынке втридорога есть. И уже казалось, что никакая сила, кроме гражданской войны, остановить это не сможет. Но... воевать каждый из нас не хочет. Ибо зло порождает зло и разруху. И так как никакие меры, никакие противоспекулятивные законы не действовали, оставался один выход — сделать единые цены, исходя из соотношения товара к деньгам. Какой спрос — такая и цена. Есть деньги — бери. Нет — заработай или жди, когда цены снизятся. А они снизятся, рано или поздно. Потому что то, что в дефиците и хорошо стоит, обычно и производят или завозят. И однажды наступит период, когда товаров станет больше, чем денег. Упадёт покупательский спрос, возврат денег через рынок рабочим не заработает, и предприятиям будет все меньше и меньше. Встанет вопрос, как дальше жить: товар не берут и деньги не на что содержать себя. И тут начнет снижаться цена, а качество — улучшаться.

Для нас с вами настал как раз тот период, когда каждый из нас должен оценить свои возможности, определить, чем выгоднее заниматься, чтобы выжить в этот сложный период экономической реформы. Тех, кто не может по состоянию здоровья или по старости зарабатывать на жизнь или временно признается безработным, государство впервые берет под свою опеку, выплачивая пособия этим категориям людей. Будет увеличиваться бюджет, будет и больше выплачиваться.

Давайте вспомним своих умерших родителей: кто им когда-нибудь что-нибудь выплачивал таким образом? Кормил их обжаны были дети до последних дней жизни. Но, как говорят, беда одна не ходит. Если раньше фонды были на все, то сейчас они прекращаются. Нет уже фондов на сладости, в том числе на конфеты, на мебель. Да почти на все товары, за исключением пока хлеба и водки. Торговле

Никто и не помышлял об оказании социальной помощи на дому или о программе «Забота».

Много возникает вопросов, особенно у пенсионеров, почему не отовариваются в спецмагазинах льготники по старым ценам и тем же продуктами, которые они привыкли получать. Да, кому бы не хотелось покупать продукты по старым ценам. Но старых цен нет. Есть единая цена — рыночная. Кое-где государство пытается регулировать некоторые виды товаров. Так, за молоко за январь из бюджета пришлось выплатить 360 тысяч рублей, чтобы снизить цену одного литра молока с 13 рублей до 1 рубля 50 копеек. За хлеб выплачено более миллиона рублей, чтобы хлеб мы покупали не по пять-восемь рублей, а по 2 рубля. Только на дотацию этих двух видов — молока и хлеба — надо расходовать в год около двадцати миллионов по нашему району, то есть не менее 1,4 миллиона в месяц. Естественно, мы с вами никогда такой бюджет не создадим. Поэтому цены на эти виды продуктов будут тоже повышаться.

Бюджет района в первом квартале составил всего 9,6 миллиона рублей из собственных источников, при минимальной потребности 22,8 миллиона. 13,2 миллиона мы просили дотации из области, чтобы как-то выжить.

В этот сложный период, при всех потребностях жизнеобеспечения района, необходимо сохранить здравоохранение, милицию, пожарную охрану, которые закрываются в первом квартале лишь на одну треть потребностей в финансах. Над решением этих вопросов мы работаем.

Но, как говорят, беда одна не ходит. Если раньше фонды были на все, то сейчас они прекращаются. Нет уже фондов на сладости, в том числе на конфеты, на мебель. Да почти на все товары, за исключением пока хлеба и водки. Торговле

приходится добывать товар любыми путями, жить по принципу: волка ноги кормят. Делать теперь торговым работникам нечего, на складах ничего не лежит, и с заднего крыльца ничего не уносят, все идет на прилавки. Отпала и необходимость держать всякие комиссии. Товар уже стал появляться, но пока все очень дорого. Постоянно идут просьбы продать комбикорм. Но его поступило нам всего 99 тонн на квартал, в том числе 10 тонн — на подсобные хозяйства дому-интернату и вспомогательной школе. 89 тонн передано совету ветеранов для распределения малоимущим. Будет ли во втором квартале комбикорм, сложно что-то угадать. Если будет, то очень мало. Будет ли с нового урожая, надежды на это тоже не велики. Один выход остается — картошка. Каждая семья через комитет по земельной реформе гарантированно обеспечивается земельным участком в пятнадцать соток. Кто посадит больше картошки — дай Бог. И надо подойти в этом году к картофелю так, чтобы засадить им все пустыри, чтобы не рос бурьян и чертополох вокруг деревень и предприятий.

Дорогие жители района! Наступило такое время, когда каждый из нас должен сам побеспокоиться о себе: как выжить? Государство не в состоянии уже больше кормить всех и одевать в долг у своего будущего поколения.

Дай Бог вам всем к этому здраво подойти. Не просить у кого-то чего-то, там уже ничего нет, а думать, как самим, своими руками прожить. Так в случае кризиса в нашем районе, в нашем дворе, в доме. Государство в этом препятствий не чинит, наоборот, создает возможности для этого.

Желаю всем здоровья и оптимизма.

М. ДМИТРИЕНКО,
глава администрации
Яйского района.

СНОВА О ЦЕНАХ

(Продолжение.
Начало на 1 стр.)

В четвертых, изменены в сторону повышения цены на комбикорма для нужд населения (распоряжение администрации области от 28.02.92 г. № 208-р). В настоящее время имеется поступление комбикорма, который будет реализован населению с 11 марта 1992 года по цене 3400 рубля за 1 килограмм.

Теперь хотелось бы ответить на часто повторяющиеся вопросы, которые мне задают десятками ежедневно. Это понятно, ведь сейчас покупателю (или клиенту) намного сложнее определить, обманули его или нет. Проверяется буквально каждый факт о нарушении цен, тарифов и правил торговли.

Много вопросов по бытовому обслуживанию населения. В феврале 1992 г. администрацией района зарегистрировано 3 муниципальных предприятия. Это — муниципальное предприятие «Силуэт» (бывшее ателье верхней одежды), муниципальное предприятие «Прикотажный цех», муниципальное предприятие по ремонту радиотелевизионной аппаратуры (бывшее телеателье).

Клиентов не должны возмущать резко повысившиеся здесь цены и тарифы. В соответствии с документацией, принятыми правительством России, этим предприятиям разрешено самостоятельное устанавливать цены, тарифы и размер торговых надбавок (если это будет предприятие розничной торговли, а появление таких

муниципальных торговых предприятий не за парами).

Конечно, все их цены и тарифы рассчитаны, утверждены директором муниципального предприятия и строго контролируются. Заказы, оформленные и полностью оплаченные до 2 января 1992 года, переоценке и доплате не подлежат.

Есть вопросы, почему все-таки в Мариинске опять ниже цены на свежемороженую рыбу жинтай — (у нас — 12 рублей, а там — 4 руб. 26 коп. за 1 килограмм). Да, мариинские торгующие организации запасались рыбой. Запасли не только спиральный порошок, но и свежемороженую рыбу, и многое другое. И по переоплате 2 ян-

варя 1992 года увеличили цену 1991 года вдвое. А наше поступление — 1992 года, и цена кусается.

Спрашивают о ценах на спиральный порошок, реализованных в магазине Яйской МРБ по 5 рублей, а в универсаме и в всех других магазинах района — по 21 рублю за штуку. 5 рублей — это цена 1991 года, увеличенная по Указу от 2 января 1991 года, а 21 рубль — поступление 1992 года. Наших запасов хватило только для магазинов межрайбаза.

Жители по-прежнему возмущают высокой ценой спирального порошка. Да, 40 рублей — это очень дорого. Но, как мне сообщили из Кемеровского облпотребсоюза, теперь нашей торговой системе продают порошок (Свердлов-

ский завод бытовой химии) вообще по 56 рублей за одну пачку в 500 граммов. Договор с поставщиком не заключен. И так, на сегодняшний день самым дешевым по-прежнему остается утюг (500 рублей), а самой дешевой — зеленка (0,53 руб.).

Что думают по поводу реформы руководители наших крупнейших в стране экономических подразделений, члены правительства России, читатели, думаю, знают из печати и телевидения.

Мне бы хотелось здесь привести высказывание известного руководителя, испытывающего внимание из центра к своей фигуре губернатора Сахалина и Курилы И. М. Федорова. Известно, что «медленная» са-

халинская модель опережала реформы в России едва ли не на год. Он пишет: «Необходимо заморозить цены хотя бы на их диком нынешнем уровне, сохранив свободу роста зарплат, чтобы она немного поднималась. Так в случае кризиса поступают даже развитые капиталистические страны. А у нас уже кризис, мы на краю пропасти, упадем туда — будет не до реформ».

Так вот, надо хотя бы эту плохую ситуацию стабилизировать на какое-то время, отбросить авантюрные проекты и запустить механизм экономической эволюции».

Ю. ГОЛУБЕВА,

главный гос. инспектор по контролю за ценами администрации района.

Деревенька моя

ПОСМОТРИ НА СЕБЯ
СО ЗВЕЗДЫ

Степановка, Новая Москва, Шестаковка, Рыбак, Новинка, Ленинград, Старо-Покровка, Ивановка, Михайловка... Сколько же их — умерших и умирающих деревень — на территории только нашего района! Десятки, сотни... Некоторые из них можно отыскать по погостам. Другие уже ничем не напоминают о себе. Разве что памятью! Только она еще способна цепко держать все, что связано с малой родиной — вашей, моей, его. Так воскресим же своей памятью, памятью тех, кто еще жив, эти умершие десять-двадцать-тридцать

лет назад деревеньки. Сочтем это своим святым долгом. Пока не поздно. Какими они были, умершие деревни! Какие обычаи и традиции объединяли односельчан, как они работали, как отдыхали, как пекли хлеб и воспитывали детей...! Да, да, нам важно все. Не только нам, журналистам, — это нужно всем... Поэтому мы обращаемся к нашим читателям, к тем, у кого малая родина живет только в памяти и тайниках сердца, откликнитесь! А первой пусть будет в этом ряду СТЕПАНОВКА.

ПОРА сенокосная в деревне всегда считалась праздником. Крестьяне к началу сенокоса одевали чистую одежду, женщины — цветные платья. Трудились весело, дружно, с шутками и песнями.

Сметан очередной зарод душистого, зеленого сена. Можно и отдохнуть, и сфотографироваться на память.

Перебирая старые фотографии, Михаил Федорович Клименко вспоминает о годах своей молодости. Охотно рассказывает о былом.

Родная деревня. Через всю свою жизнь проносит человек любовь к тому уголку на земле, где он родился и рос. И чем взрослее, старше он становится, тем острее чувствует свою привязанность к малой родине. Как часто мы видим во сне родную улицу, дом, стремимся добежать до родного уголка и внезапно просыпаемся!

Президент Франции Шарль де Голль любил повторять, когда речь шла о чем-то глобальном, фразу: «Посмотри на себя со звезды».

Вот именно о своем взгляде со звезды на родную деревеньку Степановку и поведал нам уроженец ее, а ныне житель села Ново-Николаевки Михаил Федорович КЛИМЕНКО.

— О С Н О В А Т Е Л ь

нашей деревни Степан Бондарь всегда говорил, что село Мальцево образовалось в 1878 году, а Степановка на два года позднее, — рассказывает Михаил Федорович. — Две эти деревни располагались по обе стороны реки с красивым названием Золотой Китат. Место расположения Степановки было удобным. Широкая улица в 64 крестьянских двора убегала к реке. Дома все были добротными, крытые тесом. Хозяева были крепкими. У каждого дома сачок. В нем во время цветения соревновались сибирские красавицы — черемуха да рябина. А к осени они одаривали своих хозяев сочными ягодами. Бывало, по 3 ведра черемухи набирали с одного дерева. Сушили ягоду, потом жарили на мелунице. Зимой сельские избы благоухали от запаха пирога с черемухой, с калиной. Ну и, конечно, с морковью, с капустой, с рыбой и со многими другими начинками. Все давала природа, выращивалось на огороде, на подворье.

В просторном, чисто прибранном доме Михаила Федоровича Клименко — бывшего колхозного кузнеца, тепло, по-домашнему уютно, современная мебель. Чувствуется, что в доме достаток. Жить и возраст у хозяев уже не молодой, но способность к труду они не потеряли.

А разговор вступает жена Михаила Федоровича — Татьяна Алексеевна. Женщина в возрасте, но и сейчас чувствительна, что была она в юные годы красавицей. Не помнит Татьяна Алексеевна своей малой родины. Сначала воспитывалась в детском доме одного из южных городов, потом привезли ее в Степановку. Нашлась семья, которая удочерила девушку, вырастила и замуж выдала за хорошего человека.

Так Степановка стала родной и для Татьяны Алексеевны. Об этой сибирской деревеньке у нее самые светлые воспоминания. — Бывало, приходишь с работы на обед, возьмишь ведро и за час полное ягоды наберешь. А вечером побегешь — две корзины прибоишь. — Да. Кормила земля крестьянина, — продолжает рассказ глава семьи. — Мой отец Федор Карпович — ровесник Изуденного. На первую мировую войну из Степановки уходил, служил вместе с ним и дослужился до штабс-капитана.

И до образования колхозов люди жили справно. Конечно, были и такие, что работать на земле не хотели. Те жили похуже. Когда образовался колхоз, отец мой сдал в коллективное хозяйство фазан, две телки, две саенки, двух лошадей, вейку. Были и такие, что и не богато жили, а в колхоз идти не хотели. Известно, их раскулачивали вместе с крепкими хозяевами.

Перекос и тогда допускался. — Ну, а как вы стали жить после образования колхоза?

— Нормально. Наш колхоз носил название «Правда». Люди работали хорошо. Пахали, сеяли, косили хлеб лобогрейками, вязали снопы, складывали в клады, потом молотили. Ни одного колоса не терялось в поле. — Трудно, наверное, было без машины, вручную выполнять все работы? — Конечно, нелегко. Зато надежно. Да и лошади были, 40—рабочих да еще 35—40 молодняка. Все работы выполняли на лошадях. И ничего. Работали весело, с песней. Конечно, не считались со временем. Если пахали, то с рассвета до позднего вечера. Сено скирдовали или хлеб убрали до 12 ночи. Молоды были, никто не уставал. — А какие вы получали урожаи зерновых в то время? — Посевная площадь в колхозе насчитывала 300 гектаров. С каждого гектара получали по 12—14 центнеров. Почти 90 процентов сдавали государству. Остальное распределялось на трудодни, на фураж.

— И хватало?

— Конечно, хватало. Голодными не были. Свой скот держали. Картофель на колхозных полях и на своих огородах выращивали и сдавали тоже государству. Кроме того, сдавали мясо, молоко. Денег не получали. Бывало, выращивали лук-батун. Продавали в Яе, в Анжеро-Судженске по 5 копеек за пучок и приобретали на эти деньги лакомства детям, сладости. Остальное все дома выращивалось.

— За что же вы покупали одежду?

— Как за что? В конце года получали вместе с хлебом деньги на трудодни. Лишний хлеб продавали, скотину тоже, и одевались. Однажды увели годовалую телку на базар и за вырученные деньги купили хромовую тушурку, двое сапог, несколько пар обуви детям и еще кое-что. Отец мой Федор Карпович работал в колхозе бухгалтером. В 1938 году выбрали его неизвестно за что, так и спинул где-то в Свердловской области. — Михаил Федорович задумчиво смотрит в окно, как бы прислушивается к прошлому и снова продолжает свое повествование. — Работали мы, конечно, больше, труднее, но и жили значительно веселее. Если праздник, то праздновали всем селом. Если работали, то стар и млад. Особенно трудными были годы войны. Хлеба давали мало. Печки хлеб наполовину с картошкой. Разрешенья буханку, а она внутри фистаская. И ничего, выжили. Сено выращивали, овечьей картошкой кормили. Не плодородили. А когда война кончилась, сразу стали

жить хорошо. Трудились, на часы не смотрели. Бывало, старики с закатом солнца домой подадутся, а молодые еще 2—3 часа трудятся. Сельского труда никто не гнушался — и учителя, и работники сельского Совета трудились наравне со всеми.

Из 20 мужчин, ушедших из Степановки на фронт, вернулись пятеро. И все-таки быстро стала улучшаться жизнь. Отменили карточки на хлеб. В магазинах выбор рыбы был большой; от кильки до киты. И колхоз сразу же пошел в гору. Сеяли и собирали богатые урожаи пшеницы, проса, гречки, льна. Изготавливали сами масло конопляное. Теперь на степановских полях делают пакеты и вывеса. И получают вроде урожая зерновых до 16,5 центнера с гектара, а хлебешка не хватает. Сократили посевные площади, а некоторые поля просто заросли осинником.

Нельзя эту вину перекладывать на крестьянство. Силой переселили малые деревни на центральную усадьбу, закрыли школу, магазин. Так постепенно и разжались родная деревня по городам. На центральную усадьбу переехало лишь три семьи. Ушла из деревни молодежь. А ведь в каждом дворе было много скота. А значит, и на рынке было изобилие самых разных продуктов.

— Пять масек было только в Пономаревке, — говорит хозяйка дома, — мед на рынке продавали по 70 копеек за килограмм.

Бывало, на фермах навоз не задеживался. Его везли на поля. Сейчас придумали боксы навозную жижу. Толку от такого удобрения нет. Земля потрескается, и растет один бурьян на этих местах. На «Кировцах» с Шестаковки до Ново-Николаевки механизаторы обедают ездя. Куда это пойдется!

— Ну, а как вы считаете, Михаил Федорович, нужен ли крестьянству колхоз в настоящее время?

— Нужен обязательно. Пусть развиваются фермеры. А колхоз рушить нельзя. Если полностью уничтожим колхозы, мы совсем обанкротимся.

И как тут не вспомнить мудрые слова французского президента Шарля де Голля: «Вспомни на себя со звезды». Бальше и мудрое видения на расстоянии.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ я спросила у моего собеседника, скажут ли они по родной деревне Степановке. На что Михаил Федорович ответил: «Была бы моя воля, я и сейчас бы там дом построил и дожил бы там сам век».

Разрешите дом, друзья мои — проще простого, построить — труднее. Зорче надо смотреть вперед. В МЕРЦЕНИИ.

жизнь после образования колхоза?

— Нормально. Наш колхоз носил название «Правда». Люди работали хорошо. Пахали, сеяли, косили хлеб лобогрейками, вязали снопы, складывали в клады, потом молотили. Ни одного колоса не терялось в поле. — Трудно, наверное, было без машины, вручную выполнять все работы? — Конечно, нелегко. Зато надежно. Да и лошади были, 40—рабочих да еще 35—40 молодняка. Все работы выполняли на лошадях. И ничего. Работали весело, с песней. Конечно, не считались со временем. Если пахали, то с рассвета до позднего вечера. Сено скирдовали или хлеб убрали до 12 ночи. Молоды были, никто не уставал. — А какие вы получали урожаи зерновых в то время? — Посевная площадь в колхозе насчитывала 300 гектаров. С каждого гектара получали по 12—14 центнеров. Почти 90 процентов сдавали государству. Остальное распределялось на трудодни, на фураж.

— И хватало?

— Конечно, хватало. Голодными не были. Свой скот держали. Картофель на колхозных полях и на своих огородах выращивали и сдавали тоже государству. Кроме того, сдавали мясо, молоко. Денег не получали. Бывало, выращивали лук-батун. Продавали в Яе, в Анжеро-Судженске по 5 копеек за пучок и приобретали на эти деньги лакомства детям, сладости. Остальное все дома выращивалось.

— За что же вы покупали одежду?

— Как за что? В конце года получали вместе с хлебом деньги на трудодни. Лишний хлеб продавали, скотину тоже, и одевались. Однажды увели годовалую телку на базар и за вырученные деньги купили хромовую тушурку, двое сапог, несколько пар обуви детям и еще кое-что. Отец мой Федор Карпович работал в колхозе бухгалтером. В 1938 году выбрали его неизвестно за что, так и спинул где-то в Свердловской области. — Михаил Федорович задумчиво смотрит в окно, как бы прислушивается к прошлому и снова продолжает свое повествование. — Работали мы, конечно, больше, труднее, но и жили значительно веселее. Если праздник, то праздновали всем селом. Если работали, то стар и млад. Особенно трудными были годы войны. Хлеба давали мало. Печки хлеб наполовину с картошкой. Разрешенья буханку, а она внутри фистаская. И ничего, выжили. Сено выращивали, овечьей картошкой кормили. Не плодородили. А когда война кончилась, сразу стали

жить хорошо. Трудились, на часы не смотрели. Бывало, старики с закатом солнца домой подадутся, а молодые еще 2—3 часа трудятся. Сельского труда никто не гнушался — и учителя, и работники сельского Совета трудились наравне со всеми.

Из 20 мужчин, ушедших из Степановки на фронт, вернулись пятеро. И все-таки быстро стала улучшаться жизнь. Отменили карточки на хлеб. В магазинах выбор рыбы был большой; от кильки до киты. И колхоз сразу же пошел в гору. Сеяли и собирали богатые урожаи пшеницы, проса, гречки, льна. Изготавливали сами масло конопляное. Теперь на степановских полях делают пакеты и вывеса. И получают вроде урожая зерновых до 16,5 центнера с гектара, а хлебешка не хватает. Сократили посевные площади, а некоторые поля просто заросли осинником.

Нельзя эту вину перекладывать на крестьянство. Силой переселили малые деревни на центральную усадьбу, закрыли школу, магазин. Так постепенно и разжались родная деревня по городам. На центральную усадьбу переехало лишь три семьи. Ушла из деревни молодежь. А ведь в каждом дворе было много скота. А значит, и на рынке было изобилие самых разных продуктов.

— Пять масек было только в Пономаревке, — говорит хозяйка дома, — мед на рынке продавали по 70 копеек за килограмм.

Бывало, на фермах навоз не задеживался. Его везли на поля. Сейчас придумали боксы навозную жижу. Толку от такого удобрения нет. Земля потрескается, и растет один бурьян на этих местах. На «Кировцах» с Шестаковки до Ново-Николаевки механизаторы обедают ездя. Куда это пойдется!

— Ну, а как вы считаете, Михаил Федорович, нужен ли крестьянству колхоз в настоящее время?

— Нужен обязательно. Пусть развиваются фермеры. А колхоз рушить нельзя. Если полностью уничтожим колхозы, мы совсем обанкротимся.

И как тут не вспомнить мудрые слова французского президента Шарля де Голля: «Вспомни на себя со звезды». Бальше и мудрое видения на расстоянии.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ я спросила у моего собеседника, скажут ли они по родной деревне Степановке. На что Михаил Федорович ответил: «Была бы моя воля, я и сейчас бы там дом построил и дожил бы там сам век».

Разрешите дом, друзья мои — проще простого, построить — труднее. Зорче надо смотреть вперед. В МЕРЦЕНИИ.

НА КОНКУРС «САМЫЙ СТРАШНЫЙ РАССКАЗ»

НОЧНЫЕ СВИДАНИЯ

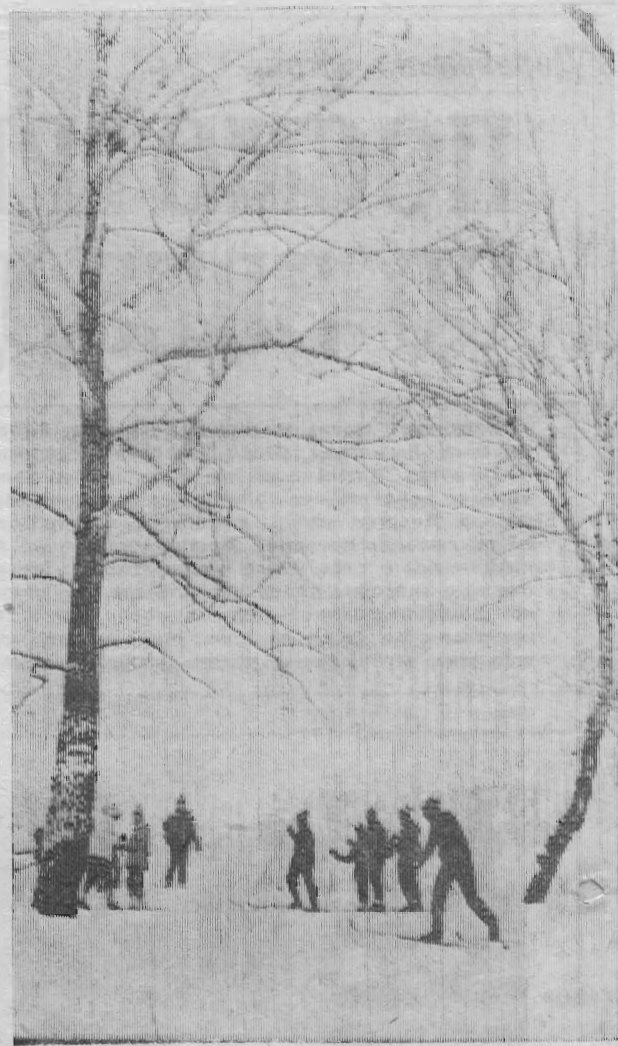
Жили мы в Медведчиково. У моей матери была младшая сестра Татьяна. В 1927 или 1928 году Татьяне исполнилось 17 лет, и по сватался за нее парень Василий из соседнего села Мазалово. Раньше девушки выходили замуж чаще всего не по любви и не за того человека, за которого они хотели выйти, а по воле родителей, особенно отца. Отец при том говорил: «Стерпится — слюбится». Но брак Татьяны оказался счастливым. Молодые люди полюбили друг друга и зажили, как говорят, душа в душу. Родился у них ребенок — девочка. Казалось, что радости не будет конца. Вскоре после родов в селе встречали какой-то религиозный праздник. В каждом доме к празднику готовились: пекли, варили, мыли, радовались, что будут гости. Вот и наступил праздник. Праздники в те годы отмечались большими, шумными застольями, гуляли компаниями, переходя от одного дома к другому. Конечно, не обходилось иногда и без драк, случались и трагедии. ...И вот подвыпившие мужчины заспорили. Спор перешел в драку. Не поймешь, что и происходило. У одного мужчины в руках оказался нож, и он ударил Василия ножом в шею, перерезав ему артерию. Василий бросился бежать в соседний дом, видимо, думал, что там он сможет перевязать рану. А кровь била струей. Забежав в сени, он обнаружил, что дверь в дом была заперта на крючок. Он истек кровью, присел на корточки и от большой потери крови скончался. Похоронили Василия. Как же убивалась Татьяна по своему любимому! Но прошлое вернуть было нельзя. Она с дочкой вернулась назад к родителям. Затосковала молодая женщина, день и ночь думала об утерянном счастье. И вот однажды она лежала в темноте с открытыми глазами, и вдруг... дверь отворилась, и вошел он, ее любимый, ее радость. Они шепотом разговаривали. Одет он был в ту же одежду, в которой его похоронили. Прошло немного времени, и он исчез. Татьяна долго не могла уснуть. Ей хотелось видеть его ежедневно. На другую ночь он опять пришел, и все повторилось. Так он приходил к ней несколько ночей. Она ждала его, радовалась встрече. Происходило это в одно и то же время, в полночь. Раньше часы-ходики были не у всех. Время определяли по крику петухов. Запоют первые петухи — значит, пришло мерно, час ночи, вторые — 3 часа, третьи — на рассвете. Тогда говорили: «Мы просидели до третьих петухов». И вот однажды он пришел к ней и стал звать с собой. Татьяна была согласна идти за ним хоть на край света. Быстро надела шубейку, шапку, чулки надела шерстяные и валенки. Была зима. Стояла лунная, звездная ночь. Они пошли вдоль деревни. Потом, миновав деревню, пошли по полю по дороге. Василий все торопит. Свернули в лес и по лесу шли уже без дороги. Он шел впереди, она за ним. Он постоянно торопил ее. Было тяжело идти по снегу в валенках. Она сняла валенки и шла в одних шерстяных чулках, а валенки неслась под мышкой. И вот они пришли к шалашу. Этот шалаш строил отец с сыновьями. В нем они летом ночевали, укрывались от дождя и зноя. Тогда работали с раннего утра и до позднего вечера. Вошли в шалаш, отдышались, и вдруг... Василий исчез. Татьяна и звала его, и умоляла вернуться — никто ей не ответил. Стало жутко. Шумели и покачивались деревья, где-то кричала сова, раздавались какие-то шорохи. В те времена в лесу было много зверей и птиц. Стаями бродили голодные волки. Но, к счастью, поблизости их не оказалось. Татьяна потеряла сознание. А дома в этот момент заплакал ребенок. Мать встала и, не обнаружив дочери, разбудила от-

ца. Стали искать ее во дворе, но нигде не нашли. С вечера шел снежок и запылил тропинку к дому и дорогу, но был виден свежий след, который вел вдоль деревни и за деревню. Отец с сыновьями запрягли лошадь и поехали по следу. След привел к шалашу, в котором и нашли они ооченевшую, но невредимую Татьяну. Она им и рассказала, что с ней случилось. Тогда в каждой деревне были знахари. Нашли женщину, которая лечит разные недуги (сглаз, рожу, порчу, тоску). После лечения больше Василий к Татьяне не приходил. Постепенно время залечило душевные раны. Татьяна стала работать. Она окончила курсы механизаторов, работала в первой женской тракторной бригаде, потом стала механиком, преподавала на курсах при МТС, позднее была преподавателем в Анжерской школе механизаторов. Выросла дочь. Сватали Татьяну неплохие люди. Но она осталась вечной вдовой, видимо, никто не мог заменить ей Василия. Дожила до старости, помогала дочери воспитывать детей..

Вот такие бывали истории...

Н. УЛЬЯНОВСКАЯ,

с. Ишим.

Мартовское настроение

Фото А. Сосина.

Птицефабрика «Сибирская»

Птицефабрика «Сибирская» недавно приняла решение, что неподалеку от создается акционерное общество закрытого типа, но дит около 11 миллионов местная власть пока пребывает, ссылаясь на то, что формы коллективного владения собственностью Российской парламент не регулированы.

Устойчивое финансовое положение составляет основу развития социальной базы. Для работников строится жилье. Большая доля средств идет на содержание детских учреждений — детсада, музыкальной школы, нового колледжа.

Коллектив птицефабрики

На снимках: птицевод Зинаида Васина; педагог В. Г. Тюрин на уроке трудового обучения с будущими фермерами.

Фото А. Косицина.

(Фотохроника ТАСС).

15 марта в 11 часов в помещении РСУ состоится отчетное собрание садоводов лесхозбината, Явля обязателна.

ПРАВЛЕНИЕ.

Марьевский сельский Совет выражает глубокое соболезнование родным и близким по поводу смерти ветерана Великой Отечественной войны КУПРИЯНОВА Василия Гавриловича.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Коллектив учреждения УН-1612/37 выражает глубокое соболезнование Молошику Эльвире Александровне и близким родственникам по поводу смерти ее матери

ЗАБВОЙ
Тамары Филипповны.

Коллектив Яйского ДРСУ выражает соболезнование работнику Захарову Михаилу Михайловичу по поводу преждевременной смерти его жены

Рашили
Фаттархановны.

МАССОВАЯ
ГАЗЕТА
ЯЙСКОГО
РАЙОНА
КЕМЕРОВСКОЙ
ОБЛАСТИ

Наши телефоны: 2-11-44 — редактор (Ананьева Т. И.), 2-18-83 — ответсекретарь (Гладышев Ю. Г.), 2-22-35 — общественно-политический отдел (Мерцеева В. М.), 2-14-59 — отдел фотоиллюстраций (Язовский В. А.), 2-15-55 — производственный отдел (Алехин И. А.), 2-15-43 — отдел культуры, быта и писем (Гимаева В. Г.), 2-15-67 — бухгалтер (Гаращенко Н. М.), 2-14-07 — зав. типографией (Стрепетова Т. В.).

Газета выходит по вторникам, четвергам, субботам. Объем 1 п. л. Индекс 51954. Цена — 1 рубль. (по подписке — 10 коп.). Тираж 7216 экз. Заказ 566. Газета подписана: 11 марта в 11.55 час.

Учредители: коллектив редакции и районный Совет народных депутатов.

ул. Советская, 8 (редакция);

Адреса учредителей: 652100, р. п. Яя,

ул. Советская, 17 (райсовет).

Газета выходит с ноября 1936 года.

Редактор
Т. И. АНАНЬЕВА.

Газета отпечатана в Яйской районной типографии.

Адрес типографии:

652100, р. п. Яя,
ул. Советская, 8.